А. С. ИСМАКОВА

СОКРОВЕННОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В современную казахстанскую науку о литературе вернулось научное и художественное наследие Алаш Орды в творчестве А. Бокейхана, А. Байтурсынулы, М. Дулатулы, Ж. Аймауытулы, М. Жумабайулы, Х. Досмухамедулы, К. Кеменгерулы, С. Садуакасулы. Их произведения были вычеркнуты советской властью в период репрессий 1937 года, а сами авторы расстреляны. Окончившие университеты России, они были первой профессурой и членами Государственной Думы России. В чем они обвинялись? Прежде всего, в умении сочетать государственные нужды с народными в пользу национальных приоритетов: защита языка, менталитета и религии. Будучи членом мусульманской фракции Государственной Думы России, А. Бокейхан смело ставил и решал нерешаемые сегодня проблемы: халяльного производства и централизованности муфтиятов.

Чем отличалась от советской науки их наука о литературе? Высокой профессиональностью и истинным пониманием сути и назначения литературы. Это заключалось прежде всего в умении ставить «вечные» вопросы. В чем смысл жизни человеческой? Что есть смысл жизни перед лицом смерти? Вот основные вопросы, на которые по-прежнему не существует полного ответа. На которые ищет ответ наша современность, теперь уже в начале III тысячелетия.

Современное литературоведение обозначило это понятием экзистенциализма, т.е. постановки и поиска в литературе ответов на вечные вопросы. Зачем дана нам жизнь? Как ее прожить, чтобы не было больно за бесцельно прожитые годы? Что есть смерть перед лицом вечности?

Казахские литературоведы еще в начале XX века говорили о высоком предназначении искусства в целом, и литературы в частности. По А. Байтурсынулы литература на казахском языке – «асыл сөз» – предназначена для удовлетворения духовных потребностей человека. В чем ее отличие от других видов искусства? Об этом писал А. Байтурсынулы в «Әдебиет танытқыш» – «Теории литературы» (1926): «Искусство слова считается наипервейшим среди всех других видов искусства, как издавна считали казахи. Искусством слова можно описать все шедевры мира, созданные человеком. Только художественным словом можно описать и необычайные шедевры архитектуры, живописи и любую трогательную задушевную музыку. Остальным видам искусства этого не дано». В этой связи А. Байтурсынулы приводит в пример художественное описание красоты человеческого лица (Абай), необычайность и неповторимость осеннего дня, изображение волны в океане (Магжан). Теоретик искусства описывает также суть и эстетическую силу народной песни и кюев (степных симфоний), особенным образом и непосредственно воздействующих на внутреннее и эмоциональное состояние человека.

По А. Байтурсынулы, одни строят дома, открывают родник, шьют сапоги, ткут ковры, создают изящно-трогательные вещи, необходимые для быта человека. Другие создают живописные картины, задушевные песни, строят мечети. Но, отмечает он, между этими двумя видами творчества существует принципиальное отличие. Предметы первого созданы для бытовых и хозяйственных нужд человека. Поэтому они должны быть не столько изящны, а, прежде всего прочны, надежны и удобны при использовании. При зарождении предметов второго преследуется не столько удобство и прочность, сколько красота и изящность, гармоничность и востребованность, т.е. они должны быть необходимы прежде всего для душевного равновесия. Поскольку они рождаются из духовных потребностей человека, но не материальных, они должны содержать отсчет вечности, т.е. общечеловеческий хронотоп. В этом главное отличие двух видов искусства человеческой деятельности. Каким бы ни был шедевр живописного искусства или другое материальное или музыкальное произведение, его можно описать искусством словесного творчества. В этом, по А. Байтурсынулы, его преиму-

щество перед всеми другими видами человеческой деятельности[1] [1:164-165].

Понимание этой функции художественного слова вернуло в современную науку о литературе истинное положение дел, т.е. напомнило об ответственности литературного слова не только перед обществом и временем, но и перед вечностью, т.е. высшей силой. Казахская литература еще со времен жырау искала ответы на самые сущностные вопросы бытия. Жырау (поэты) особо чувствовали быстротечность и необратимость поступательного хода человеческой истории, и поэтому они воспевали особую нравственную ответственность человека перед своей современностью.

В начале III тысячелетия литературоведы не только подводят итоги прошлого века, но и еще раз напоминают о целях и задачах самой литературы. Как мы теперь можем констатировать, подлинные шедевры мировой классической литературы – это те, что ставят вечные вопросы о сути человеческого бытия и ищут, каждый по-своему, ответы на них. Что есть смысл жизни и в чем смысл смерти? Какова связь между ними? На этот вопрос по-прежнему нет полного ответа. Между тем литературоведы Алаш Орды настаивали на том, что литература призвана искать ответ именно на этот основной вопрос.

Безусловно, религия, наука и философия частично дают ответы на этот вопрос. Но, как известно, все они опираются на художественные тексты. Поэтому сегодня, мы как и литературоведение Алаш Орды в начале XX века, можем констатировать, что мировая литература все это время занята не только изображением и исследованием духовной сути человека, но и утверждением этой основной проблемы. Вся мировая классическая литература посвящена «исследованию» душевных поисков человека в этом мире именно в этом аспекте. Это говорит о потребности homo sapiens задумываться о вечности и о своем предназначении. Каков бы ни был режим, каким бы быстротечным не казалось время. Об этом произведения Аль-Фараби, Ж. Баласагуни, М. Х. Дулати, Шекспира, Гёте, Абая, Петрарки, Данте, Сервантеса, Л. Н. Толстого, Пушкина, Достоевского, Хемингуэя, Аймауытова и Шакарима.

Сегодня все современные гуманитарные науки вынуждены обращаться к мировому и национальному опыту художественного слова в поиске решения и аргументации духовных проблем той или иной эпохи. «Всемогущий» материализм оказался не самым убедительным ключом в этом случае. Между тем, как говорил А. Байтурсынулы, литература – «асыл сөз» – призвана быть «лұғатты» – содержать верную точку зрения о Всевышнем, т.е. искать и объяснять духовные проблемы человека и его душевные метания в поисках истины и смысла жизни в конкретных жанрах словесного искусства.

В казахской литературе с этим до принятия соцреализма было все в порядке. Еще Абай говорил о предназначении художественного слова: «Алланың өзі де рас, сөзі де рас» – «Истина в самом Аллахе, поэтому правдивы и слова Аллаха!» Этот нравственный императив был неопровержимым постулатом казахского словесного искусства. Так было до начала XX века. Именно это утверждение было отвергнуто советской властью и поэтому Абай был скинут с корабля той современности начала XX века. В 1930-е годы репрессии подверглась целая плеяда алашординских литературоведов, профессионально утверждавших именно это понимание искусства слова. Становление атеистического казахского советского литературоведения было ограниченным рамками дозволенного тоталитарным режимом. И только с 1991 года с обретением независимости казахская наука о литературе вернулась в свое родное лоно, т.е. включилась в свой первоначальный контекст, содержащий прежде всего хронотоп вечности.

Возвращенное репрессированное научное и художественное наследие повернуло науку о литературе и само словесное искусство в родное неатеистическое русло. Главный постулат, заключенный в словах Абая, а еще ранее подготовленный в произведениях Аль-Фараби, Ж. Баласагуни, М. Х. Дулати, М. Кашкари об особой миссии литературного слова, которая заключается в объяснении сути жизни и смерти, человеческой жизни – дарованной нам свыше как высшей ценности, но ограниченной временем и пространством. Как говорили Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, самое главное – это прежде

[1] *Байтұрсынұлы А.* Әдебиет танытқыш // А. Байтурсынулы. Собр. соч. в 5-ти томах. Т. 1. Алматы: Алаш, 2003.

всего утверждение и служение духовной сути человека, а не его низменных потребностей. Утверждение человеческой нравственности – вот в чем было отличие всей классической литературы, на разных языках мира утверждавшей мысль о создателе и вечности, т.е. признании всемогущей силы Всевышнего и служение ему, потому что человек наделен разумом в отличие от окружающего живого мира.

Казахская литература никогда не отказывалась от осмысления духовного и религиозного опыта ислама. По-иному и быть не могло. Книги Аль-Фараби, Ж. Баласагуни, М. Х. Дулати так и начинаются со слов: «Во имя Аллаха!» – «Бисмиля-хи-рахмани-рахим!» И заканчиваются жанром «мінәжат», запрещенным в советское время: «Слава Аллаху, позволившему мне написать об этом».

А суть прозы Абая «Ғақлия» – это беседы о нравственном облике человека и о спасительных для человечества канонах ислама, позволяющих выйти из кризиса, в котором находится наука о человеке и само художественное слово. В 45 слове Абай так и говорит о том, что все вокруг нас до нас давно создано.

Если «Ғақлия» – это художественное произведение, есть ли в нем герои? Конечно, есть. Это один главный герой – Человек во всех его социальных ролях (часто Абай его называет просто «казах»: то он верующий, то он о нем говорит собирательно «народ», то это учитель и ученик: Сократ и Аристодем – часто он просто мусульманин, почтенный мулла, или «болтливый хвастун»), во всех его взаимоотношениях друг с другом, с властью, с религией. Речь идет как о пороках человеческих, так и о добродетели, непреложности и признании, в конечном счете, высших истин.

Нравственный императив начинает складываться в «13 Слове», когда поэт выдвигает понятие «иман». [2:108]. При этом он почти цитирует Коран: «Иман есть незыблемая вера в единого и всемогущего создателя, о бытии и существовании которого дано нам знать из посланий через его Пророка, да благословит Аллах его имя». В последующих «Словах» это понятие выверяется со всех сторон человеческой жизни, конкретизируется его содержание применительно к практическим и духовным запросам бытия человека. «Чтобы сохранить в себе иман, необходимо иметь отважное сердце, твердую волю, уверенность в своих словах». Все эти качества отдельно и с разных сторон рассматриваются поэтом-мыслителем.

«14 Слово» так и начинается: «Есть ли у человека что-либо драгоценнее его сердца? Называя кого-то человеком с сердцем, люди почитают его за батыра. Другие качества сердца они себе ясно не представляют. Милосердие, доброта, умение принять чужого за родного брата, желая ему благ, которые бы пожелал себе – все это веление сердца. И любовь – желание сердца»[2]. Абай не всегда так откровенен, порой он ироничен, холоден не только к теме своего «Слова», но и как бы слушателя подозревает, уличает в плохих поступках, открыто не называя их дурными. Так в «41 Слове»: «Тому, кто вознамерился учить, исправлять казаха, нужно обладать двумя преимуществами. Первое – иметь большую власть, пользоваться огромным влиянием, чтобы, запугивая взрослых, забирать у них детей и отдавать в учение, направляя одних по одному пути знаний, других – по другому... Второе – нужно владеть несметными богатствами, чтобы подкупом брать детей у родителей и отдавать их в учение...». Повествователь понимает, что это не выход из ситуации, что нет такой власти и не может быть такого богатства. Так, он с горькой иронией говорит о грустном положении дел, когда просто Словом невозможно добиться истины. «Говоришь с ними – они и слушать со вниманием не могут: глаза их бегают, мысли разбредаются. Как жить? Как нам быть дальше?» Почти гамлетовское ощущение трагичности такого порядка дел, выразившееся в этих вопросах, предваряет дальнейшие мыслительные поиски Повествователя [2:109]. Далее повествователь ищет причины такого отношения.

В следующим «42 Слове» он так и начинает: «Одна из причин пристрастия людей к порочному – безделье». Затем следует развертывание этого тезиса и его аргументация на конкретных примерах. И так в каждом «Слове». Читая «Қара сөз» Абая, человек переживает время и события не так, как в науке, где он берет последний очищенный труд, а как попутчик, вместе шагая и сбиваясь с дороги, но и открывая для себя смысл вечного, непреходящего.

[2] *Абай.* Книга слов. Записки забытого (Шакарим). Алматы: Ел, 1993.

Разве не современны сегодня все эти мысли Абая? Поиски ответов на «вечные» проблемы не канонического, не эпически отдаленного абстрактного батыра, а на реальные, человеческие, одинаковые во все времена: каков человек в роли отца, мусульманина перед Всевышним и наедине с собой? В чем суть жизни? Всегда ли человек понимает свое предназначение, чтобы успеть достойно пройти эту очень короткую дистанцию между рождением и уходом в мир иной. Разве это не современно сегодня, когда повальное увлечение политикой обернулось бездуховностью, когда в стремлении к власти и в погоне за материальными ценностями человек готов любой ценой пролезть в высшие эшелоны? Насколько ему это необходимо, какая польза от этого его душе и в целом народу?

«Желаешь быть в числе умных людей, спрашивай себя раз в день, раз в неделю, или хотя бы раз в месяц: как ты живешь? Сделал ли ты что-нибудь полезное для своего образования, для земной или потусторонней жизни, не придется ли тебе потом испить горечь сожаления? Или же ты и сам не заметил, как и чем жил?» (15 Слово). Не бездумно прожигать отпущенное время, не в спорах или бестолковой вражде пребывать, а исходить из высших истин, потому быть терпеливым к другим. «Наука и Разум, как и человеческая природа, не терпят насилия над собой, им противны неискренность, они учат нас быть добрыми, искренними, благодетельными, что и есть Милосердие» (38 Слово) [2:110].

Абай далек от деления людей по религиозному принципу: «Доказательством существования единого и всемогущего Бога является то, что многие тысячелетия на различных языках люди говорят о существовании Бога и сколько бы ни было религий, все считают, что Богу присущи любовь и справедливость» (45 Слово). В этих последних строках «Слов» поэт выходит на современное мышление, к которому мы пришли сегодня – через ошибки и запреты прежней тоталитарной системы [110].

Нам на примере бывшей страны Советов понадобилось почти 80 лет, чтобы эти мысли Абая реализовались на государственном уровне, как это имеет место в нашем независимом государстве. Может, глубокое осознание мыслей поэта спасет нас от очередных проб и ошибок, научит нас быть терпимыми друг к другу, объединит нас по признакам общечеловеческих качеств: личной ответственности за сказанное, помнить о чести и достоинстве каждого человека, живущего рядом, помнить о том, что жизнь является высшей ценностью. И это относится не только к казахам, как об этом сказал поэт: «Если этот путь предначертан лишь для половины мусульман, то напрашивается вопрос: разве существует половинчатая истина? Истина должна быть единой для всех. Разве может быть выборочная истина? Выборочная справедливость? В таком случае у народа не может быть и самой жизни. Ибо жизнь есть высшая истина. Без нее не может быть совершенства» (38 Слово). Абай устами своего повествователя как бы предвидел наши сегодняшние проблемы. Конечно, мы можем быть подлинно свободным государством только при терпимом, т.е. толерантном отношении ко всем другим культурам и народностям, их представляющим.

Культура – это общие достижения человечества, она необходима всем, независимо от национальности и политических убеждений. Можно запретить отдельные книги, можно запретить целые творчества, как это было в казахской литературе 1930-х годов, когда была уничтожена вся национальная интеллигенция. Как известно, сила народа всегда была в его интеллигенции, способной честно мыслить, как говорил А. П. Чехов, и именно это продемонстрировал Абай в своем творчестве.

Литературу и культуру никакими политическими актами не запретить и, тем более, не улучшить. Они живы постольку, поскольку жив сам человек. Культурное пространство невозможно искусственно наладить или разрушить. Во времена Абая и речи не могло быть о границах культурных, но он сумел освоить все прогрессивные учения своего времени, освоил духовные мысли Пушкина, Гёте, Лермонтова и стоящие за ними богатые эстетические традиции других литератур. Это еще раз доказывает, что культурное пространство не нуждается в декларациях, есть общая жизнь, общая история жизни культуры всех народов»[3] [3:111]. Как показывает случай с

[3] *Исмакова А.С.* Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль (начало XX века и современность). Алматы: Ғылым, 1998. 394 с.

Абаем подлинный гений, раскрывший именно духовный опыт человечества, всегда входит в большую культуру. Но всему свое время.

Так, только в начале XXI столетия Абай начинает свое шествие по другим литературам. В 1995 году он переведен на французский язык. К сожалению, должно было пройти сто лет, чтобы мы, пройдя драматичный, нелегкий путь в своем развитии, поднялись до уровня духовности этого национального гения. Он давно все понял и этот выстраданный им своим жизненным путем опыт зафиксировал в поэтических строках и более развернул в «Словах» – «Ғақлия».

Абай не говорит о том, что он первооткрыватель этих истин. Главное в том, чтобы понять, что нет готовых ответов вокруг нас, мы сами должны пройти свой путь и понять то, что уже давно сложилось и функционирует, независимо от нашего отношения к нему. «Мы не создатели, а смертные, познающие мир по созданным вещам. Мы служители любви и справедливости. И отличаемся тем, насколько лучше один другого осознаем творения Всевышнего...». За такими художественными открытиями Абая невозможно политическими санкциями закрыть ставни. Диалог с читателем поэт начал еще в прошлом веке, но выход на мировую арену был отложен нами (не поэтом!) до конца XX века. С другой стороны, мы, как неразумное дитя, только сегодня доросли до понимания этих мыслей, не потому, что мы были наивны. Должна была выверяться временем состоятельность или несостоятельность пути нашего народа с Абаем и без него.

Эстетическая организация «Слов» Абая в том, что они предвосхищают общение; один раз прочитав, человек не сможет забыть о существовании будоражащих ум доводов Абая. Диалогичность «Слов» активизирует интеллектуальную работу ума читателя, подключает его к необходимости осмысления давно волнующих проблем. Это нормально, потому что «мы не способны придумать науку, мы можем только видеть, осязать созданный мир и постигать его гармонию **разумом**» (45 Слово).

Именно за это и были репрессированы литература и литературоведение Алаш Орда, утверждавшие, что Абай – это главный поэт казахской литературы (А. Байтурсынулы). Мысль эта была поддержана и развита в трудах М. Дулатулы, Ж. Аймауытулы, Х. Досмухаммедулы и М. Жумабая.

В этой связи не могу не упомянуть слова моей наставницы профессора РГГУ Галины Андреевны Белой, сумевшей в 60-е годы найти в себе моральные силы не участвовать в травле первого антисоцреалиста А. Синявского в Институте мировой литературы. «Мы не кричали о свободе, не просили и не ждали ее. Мы делали свое дело – и оказывалось, что его можно делать даже тогда, когда другие считали это невозможным. Конечно, это был тяжкий труд – осознанный выбор жизни вопреки обстоятельствам. И не раз подступало отчаяние. Но я всегда считала: вокруг – чума, а врач должен лечить, учитель – учить, и священник – облегчать душу». Моему поколению нужны ориентиры духовные, каким является фигура Абая, но нужны и более конкретные воплощения нравственности на примерах поступков наших с вами современников» [3:112-113].

Сегодня начинается новый отсчет и во времени, и в психологии людей. Начал свой отсчет новый век, пора отбросить мнимые ценности и признать общечеловеческий, проверенный историей многих народов путь развития цивилизации. Да, сегодня всем нелегко: разрушился советский менталитет, а новые ценности только утверждаются, с трудом пробиваясь через придавленное тоталитаризмом сознание людей, все еще сомневающихся в состоятельности нового пути. Сегодня неоспоримо, что главное не бытие, как говорил Маркс, а сознание, как утверждал Гегель. И если хам получит материальное изобилие, не перестав при этом быть хамом, то вряд ли что-то хорошее из этого выйдет. Сегодня именно это мы видим сплошь и рядом. Если мы будем думать только о хлебе насущном, забывая, что тысячи людей бьются в смутном сознании, не понимая, что происходит, никакой лучшей жизни, чем та, что была, мы не построим.